

В августе оренбургское небо высокое, сухое, безоблачное. Цвет его — бледно-голубой, как цвет выгоревшей на летней жаре ситцевой рубахи. Такое небо увидели ходоки, прибывшие в Оренбургскую губернию с Украины в надежде обрести свою землю и новый дом. Они увидели степные просторы, вдохнули степных ветров, подержали в ладонях пшеничные зёрна. Они уверились в правоте своего выбора. Через несколько месяцев, пройдя долгую и непростую дорогу, несколько украинских семей с детишками и нехитрым скарбом обосновались на землях помещика Мякиньюкого. В собственности помещика имелось 2614 десятин земли, которые были переданы Крестьянскому банку за долги. Н.И. Сидоренко пишет, что переселенцы покупали землю у Крестьянского банка в рассрочку на 50 лет, по 46 рублей за десятину, уплачивая впоследствии ежегодно 2 рубля за десятину (С.8). Одни семьи успели рассчитаться до событий Октября 1917 года,

другие оставались должниками. Переселенцы имели право покупать землю у банка в зависимости от материального положения семьи и количества едоков от 10 до 50 десятин. Более 50 десятин на одну семью банк не продавал. Так начиналось украинское сельцо Судьбодаровка, до сих пор существующее в Новосергиевском районе Оренбургской области. Теперь это большое село!

Среди переселенцев — семьи Петра Курочки, Тита Космича Задеры, Антона Липненко, Марка Софроновича Кошака, Стефана Самойленко, Максима Лукича Семивеличенко, Федора Обреза-ненко, Якова Ивановича Колесниченко, Сергея Кочерги, Павла Бублика, Дениса Гопки, Моисея Маменко, Василия Ладо, Либенко, Дудко, Гордиенко, Сагайдак, Какуша, Мороз, семьи Мартина Коссе, Авраама Колесника, Афанасия Жута, Павла Даниловича Ткача, Минаевых, Георгия Фектистовича Голубничьего. Простите, если кого-то не назвала... Сначала прибыло 12 семей, потом ещё восемь. Они происходили из Полтавской, Екатеринославской, Херсонской губерний. Именно из Херсонской губернии, села Звенигородка Александрийского уезда и волости прибыли Ткачёвы: муж и отец семейства Пров Григорьевич и его жена Дарья, в девичестве Невкипилая, с девятью детьми. Среди детей Прова Григорьевича был и мой будущий дед — Феофил. У него семь братьев: Марк, Анисим, Парфентий,

Павел, Петр, Илья, Иван и сестра Одарка, Дарья то есть... «Была одна сестрица среди братьев!» — говаривал мой дед. Семейное предание рассказывает, что когда-то курский помещик обменял своих крепостных на свору гончих собак помещику из Херсонской губернии. В числе курян, попавших на Украину таким образом, был Харитон — мастеровой по ткачеству. Жили в селе Звенигородка Александрийской волости Херсонской губернии. У Харитона был сын Даниил, у Даниила — Григорий, у Григория — Пров, который женился на Дарье Невкипилой. Так русские крестьяне стали украинцами, заговорили и запели по-украински. Немало сородичей по линии переселенца Прова Григорьевича Ткачёва живёт и посейчас в Судьбодаровке и её окрестностях, в Оренбурге, Ташкенте, Самарканде, Ашхабаде, Твери и других городах.

Потомки переселенцев утверждают, что несколько семей происходили из хутора Судьбодарово... В 1901 году это имя утвердилось за селом в Оренбургской губернии официально.

О Прове Григорьевиче, моем прадеде, не знаю ничего. Однако видела его подпись в списке крестьян, присутствовавших на общем собрании жителей Судьбодаровки в 1921 году... И скажу, что зрелище это вызвало у меня такое волнение, будто я его самого увидела!

Дети Прова Григорьевича Ткачёва и Дарьи все без исключения были

Ткачёв Феофил Прович (слева)

люди грамотные. Старший сын, Марк Прович, в 1914 году числился уездным земским гласным по Оренбургскому уезду, член Оренбургской уездной земской управы, избран от крестьян. Его избирали на общем собрании налогоплательщиков (общины). В эти годы он подписывает ряд документов как член земской уездной Управы. С 27 июня по 17 июля 1917 года принят временно исполняющим обязанности кандидата в страховые агенты с окладом жалованья 50 руб. в месяц. В 1921 году подписывается

как житель с. Судьбодаровка. Его сын Влас с 1915 года принят писарем в Регистрационный стол Оренбургской губернской земской управы. В 1918 г. — служил в отделе военнопленных (Ф.44, оп.1.д.928), впоследствии работал в Ташкенте учителем, дочь Марка Провича Анна, закончив двухклассное училище, сдала экзамен и также стала учительницей. Учителей в роду оказалось несколько человек, которые получали образование в Оренбургском педагогическом училище, Оренбургском государственном педагогическом

Ткачёв Феофил Прович (справа)

институте, Орском государственном педагогическом институте.

Мой дед Феофил и его брат Павел были призваны на Первую мировую. Павел Прович служил в Модлинском полку, который на 2.10.1913 г. дислоцировался в Херсоне. Пропал без вести. Имеется карточка Российского общества Красного Креста с извещением о том, что он не числится среди пропавших без вести... Значит, погиб...

Трагична судьба Ильи Провича Ткачёва, который был в 1937 году репрессирован.

Анисим, Парфентий, Илья принимали активное участие в

жизни села, встали на защиту советской власти. Об этом сохранились документальные свидетельства в виде протоколов собраний жителей села Судьбодаровка за 1921 год. Каждый из них значится председателем или секретарём собрания. Метрические книги села Судьбодаровка первых десятилетий двадцатого века отражают детали жизни и быта судьбодаровских Ткачёвых.

На этих фото нет дат, имён, они сохранились среди бумаг моего деда. На первом фото стоит мой дед Феофил. На втором — он сидит. Вероятно, с кем-то из братьев. И теперь никто уже не скажет, с кем именно...

Метрические книги содержат записи о бракосочетаниях братьев, рождении их детей. Каждый из Ткачёвых, в том числе мой прадед Пров Григорьевич, неоднократно выступал в качестве крёстного новорождённых или поручителем жениха или невесты на бракосочетании....

Именно Марк Прович, я думаю, способствовал переезду в Оренбург своего брата, моего деда. В августе 1914 года Феофил Прович женился на Елизавете Ефимовне Ткачёвой, «мещанской девице». Запись об этом событии хранит Метрическая книга Иоанно-Богословской церкви города Оренбурга.

В августе 1964 года праздновалась золотая свадьба деда и бабушки. За большим столом собрались многочисленные племянники

и племянницы. Они обращались к дедушке уважительно: «Дядя!». Мы с братом и мои двоюродные сестры были в тот день на посылках, но как старшие пели за столом, слышали хорошо!

Будучи молодым отцом, в 1917 году дедушка был призван на Первую мировую войну. Никто не смог объяснить мне загадку: как, живя в Оренбурге, Феофил Ткачёв был призван «по 1 участку Александрийского уезда...». Это что же, из Херсонской губернии прислали призывной талон в Оренбург? Служил он недолго: был ранен, осколком снаряда ему оторвало ушную раковину.

Сохранилась вот такая фотография молодых призывников на мировую войну. Мой дед слева.

Самая многочисленная семья сына Прова Григорьевича и Дарьи — Марка Провича Ткачёва — выехала в Среднюю Азию, вероятно, в начале 20-х годов. Может быть, они спасались от голода. В Судьбодаровке, Кулагине, Платовке, Новотроицке в эти годы жили и работали представители второго поколения Ткачёвых.

Дед сыграл выдающуюся роль в моей жизни: имена русских писателей, книги Гоголя, Тургенева, Толстого, Тараса Шевченко, Некрасова стояли на виду, плотными рядами на обширной этажерке. В один совсем не прекрасный день этажерка опустеет: вор унесёт прижизненные издания русских классиков, «Историю государства Российского», две иконы. За стеклянной дверцей одной из них лежали венчальные свечи и

невестин веночек. Слава Богу, ни деда, ни бабушки к тому моменту уже не было в живых. Дед много читал и щедро делился всем, что знал, рассказывая о своих любимых литературных персонажах. «Сорочинская ярмарка», «Вий», «Петербургские повести», «Мёртвые души», «Война и мир», «Бежин луг» — все эти названия я впервые услышала от него... Вслед за старым князем Болконским дедушка любил повторять: «Предобеденный сон — серебряный, послеобеденный — золотой...».

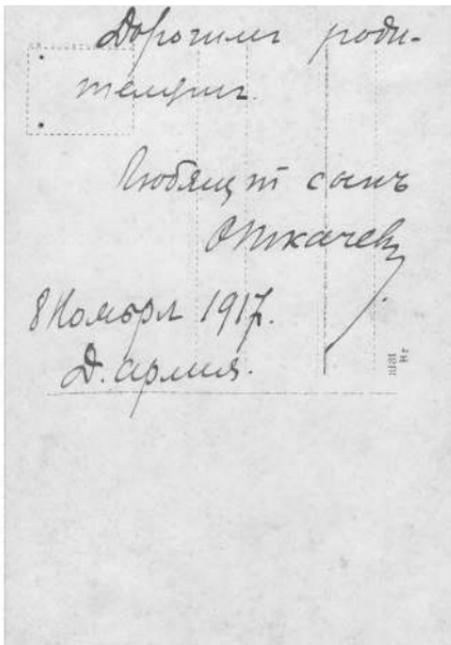
Я помню его высоким, грузноватым, но это не мешало ему легко взобраться по шаткой лесенке за борт грузовой машины с тентом, которая перевозила первых дачников в 50-е годы за Урал в Протопоповскую рощу. Ходил он неспешно, носил косоворотку на выпуск, подпоясанную шнуром с кисточками. В будни косоворотка была тёмно-серая, а в дни праздничные — полотняная, светлая, отделанная по вороту расшитой тесьмой, несколько в украинском духе. Он хорошо пел по-украински, умел по-украински читать и говорить. Будучи грамотеем, зачастую писал какие-то бумаги для соседей.

Голова его была аккуратно обрита, и хорошо было видно, что одной ушной раковины нет. На эту часть его головы не хотелось смотреть — было страшно от отсутствия уха. Смотрел он по-доброму, прищурив один глаз. А когда в последние годы жизни щуриться перестал, глаза его стали большие, светло-голубые,

как августовское небо над Оренбургом... Будучи занят делом, он всегда напевал, и это были псалмы... «Рева та стогне Днепр широкий» распевал с удовольствием после чарки в кругу близких. А ещё — «По диким степям Забайкалья» или ту песню, где в куплете звучит: «И колокольчик, дар Валдая, звенит уныло под дугой»... Пришлось спрашивать у него, что это такое «дарвалдая» — так мне слышалось, и дедушка объяснил с удовольствием! Одна из моих любимых в его исполнении — «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан». У него увлажнялись глаза, и он слегка отворачивал голову, боясь, наверное, расчувствоваться окончательно. ..А мне становилось грустно, и жалко было ту девушку, которая

просит не шить ей свадебного наряда, не расплетать косы... Об этом тоже он рассказывал: про красный сарафан, про косу...

Дел у него было много. С холщовой сумкой он ходил за покупками и приносил небольшой бидончик молока, пол-литровую банку развесной сметаны, буханку круглого хлеба за 26 копеек. Среди таких продуктовых покупок очень гордился добытым в молочном на Советской, часто по случаю, костным жиром, ценность которого состояла в том, что у него не было запаха и он не горел. На нём пирожки с луком и яйцами, с картошкой, с капустой получались пышными и цветом ровно-оранжевыми. Он терпеливо выстаивал очереди за керосином для керогаза, который летом

гудел в сенях, а в холодное время был переставляем в небольшую кухню. Летом, мурлыкая себе под нос, он любил сидеть рядом с раскрытыми дверями сарая и выпрямлять на кусочке рельса гвозди и гвоздики, сортируя их по баночкам. У него в хозяйстве была сапожная лапка, и при случае он подбивал каблуки своих старинных летних штиблет с пуговками по бокам. Пуговики оставались целы, не отлетали и не ломались: дореволюционное качество! Он умел подшивать валенки, штопать носки на большой электрической лампочке, переплетать книги.

У дедушки было своё место за столом, свои столовые приборы. Ему первому подавала бабушка попробовать, готовы ли пельмени, ему первому подавалась тарелка с дымящимся супом...

Когда делали пельмени, дед восседал за кухонным столом, на шее красовался бабушкин фартук, и он тихо пел. Пельмени он любил небольшие, ровненькие и складывал их на доску, присыпанную мукой, ровными рядками. Перед тем, как варить, пельмени пересчитывались. Спрашивается, зачем? Тем более, что цифра тут же вылетала из головы... Но — для порядка! Он любил, чтобы газеты на столе были сложены аккуратненько, и, если брал в руки книгу, обращался с ней, как с живым существом: у него обязательно была закладка, он помнил, какая книга где стоит. Мне очень нравится такая манера, и я, похоже, как-то незаметно у него научилась!

...Я не знаю, какое было образование у деда, но почерк у него был отменный! Возможно, начинал в судьбодаровской церковноприходской... Но документов и списков учеников этой школы не сохранили архивы. В 1904 году в сельце Судьбодаровка была построена на средства прихожан Николаевская церковь. «Церковь зданием деревянная с таковой же колокольней. Вмещает около трёхсот богомольцев. Притвор и середина храма переделаны из жилого дома, стены деревянные, оштукатуренные. Алтарь и колокольня дощатые, новые. Храм находится под одной крышей со школой и отделяется от последней капитальной стеной... В церкви престол один во имя Святителя Николая. Освящён местным о. Благодичным в 1904 году... При церкви есть школа грамоты, открытая в 1902 году, помещалась в ветхом здании, почему пришлось его ремонтировать... В школе обучаются 39 мальчиков и 5 девочек. Все русские и православные». Так сообщается в Клировой ведомости за 1904 г. .В 1902 году Феофилу — 12 лет, соответственно, в 1904 — 14. Приехал ли он грамотным из Звенигородки или учился уже здесь?... Как хотелось бы увидеть перечисленными имена этих 39 мальчиков и пяти девочек!

На столе с массивными ножками, раскладывавшемся так, что могли свободно разместиться 24 персоны, в будние дни лежала обычная советская клеёнка. Она была плотная, а основание у неё было из хлопчатобумажной ткани.

Дедушкино место за столом никто не занимал. Слева лежали газеты. Рядом — стеклянная чернильница с металлической крышечкой, украшенной крошечным шариком. За шарик следовало взяться пальцами, чтобы открыть крышечку... И, конечно, ручка с простым пером. В чернильницу наливались чернила из большого флакона, стоявшего в нижнем шкафу этажерки. И мне тогда казалось, что этому флакону столько же лет, что и деду... а чернила в нём были густые, тёмные и наливались очень медленно. Чтобы не испачкать клеёнку, дед подстилал старую газету... Боялся бабушку-чистюлю огорчить. Да... а мы с братом однажды пролили... Вот шуму было!.. В большом и глубоком ящике этажерки хранились сокровища: кусочек красного сургуча, деревянный нож для разрезания бумаги, камертон, листы бумаги, разлинованные красными тонкими линиями... Из дореволюционных канцелярий... Я такие видела не так давно: на них написаны документы, хранящиеся в архиве... Дедушка показывал нам с братом, как склеивает сургуч, на старом конверте и ставил печать напёрстком. Он ударял камертоном по своему большому пальцу, и мы слышали тихий и глубокий звук, который надлежало повторить, чтобы попасть в тональность. Нижний шкаф

был заполнен книгами в мягких обложках, альбомами с фотографиями. А на чистом и пустом подоконнике одиноко стояла простая стеклянная пепельница. Дед давным-давно не курил, но моему отцу иногда разрешалось стряхнуть на её шершавое дно пепел от папиросы «Казбек».

Никогда не прощу себе, как сложила в небольшую коробку из-под обуви чернильницу с крышечкой, стеклянную пепельницу с отбитыми уголками, ручку с пером, кусочек красного сургуча, деревянный нож для бумаги и вынесла к мусорному баку... на улицу... Мы выезжали из квартиры дедушки и бабушки... Мне предстояло переселиться в комнату в коммунальной квартире... Там не было места для небольшой коробки из-под обуви, наполненной сокровищами... Бедная мама... Что она чувствовала в те часы, когда мы с ней разбирали, а потом складывали, тихо переговариваясь: «Оставить? — Да нет...». Это был и её дом. Оттуда она на фронт уходила. Туда, в родительскую квартиру, она привела своего мужа, потом принесла меня, новорождённую. Поначалу, когда не было кровати, я была положена в старое, но вполне похожее на колыбель корыто, устеленное одеялами. Там подрост и научился ходить мой братик... Туда из депо возвращался мой отец... Там все ещё были живы и здоровы...

Сво Высочайшего
Господина Председателя Оренбургской
Уездной Земельной Управы

Крестьянина Вла-
са Марковича
Ткарева.

Прошение

Имею честь почтительнее
просить Ваше Высочайшее веро-
дливие, меня, на одно лето занять,
мне, в отведенной Вам Управе.

5 Сентября 1915 года.

Влас Ткарев

Носитель

1915 года ноября 26 дня. Я, Председатель Оренбург-
ской Уездной Земельной Управы, на основании фотографии
Ткарева с удостоверением уездной
Управы: Влас Ткарев имеет
на должность моего регистратора
и имеет канцелярию в Управе
Управы с 1 ф. (подпись)

Председатель Управы Ткарев

Влас Ткарев
регистрационный
24/11
Носитель регистратуры
прошлого Ткарева

Влас Ткарев
регистрационный
24/11
Влас Ткарев

Оренбургская [№] уездная земская управа

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Оренбургской области
Фонд № УЧ Оп. № 1 Ед. кр. № 2863-1904
Инвентарный № 26

ДЪЛО

секретарская Отдѣла

Оренбургской Уездной Земской Управы
Личное дело
О службѣ Веласа
Марковича Макарева

Оренбургский Областной АРХИВ
Фонд № 7 АРХИВ № 121
679

Началось 1 Декаб 191 7
Кончено _____ 191 г.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
Оренбургской области
№ 26

